

УДК 034.096

Смоленцева М. М.

студент магистратуры 2 курс

факультет «Юриспруденция. Частное право в эпоху цифровизации»

Россия, г. Новосибирск

Научный руководитель: Фролов И. В.

доктор юридических наук, доцент

профессор и. о. заведующего кафедрой трудового, земельного и

финансового права

Новосибирский юридический институт (филиал) Томского

государственного университета

Россия, г. Новосибирск

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: В статье рассматриваются существующие в настоящее время концепции относительно возможности наделять правосубъектностью искусственного интеллекта, среди которых имеют место как те, авторы которых выступают за реализацию этой идеи, так и те, авторы которых категорически против неё. Обе стороны приводят убедительные доводы, которые не только подкрепляют их позиции, но и формируют базу для решения данной проблемы с учётом всех возможных рисков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, право, обязанность, технология, дееспособность.

Abstract: The article examines the currently existing concepts regarding the possibility of granting legal personality to artificial intelligence, among which there

are both those whose authors advocate the implementation of this idea and those whose authors are categorically against it. Both sides present convincing arguments that not only reinforce their positions, but also form the basis for solving this problem in view of all possible risks.

Keywords: *artificial intelligence, legal personality, right, duty, technology, legal capacity.*

В настоящее время современное общество всё сильнее ощущает на себе влияние эпохи цифровизации, где создаются такие условия совместного существования человека и информационных технологий, которые уже находятся в симбиотическом состоянии. Названные технологии значительно упростили жизнь людей, однако, при всех своих достоинствах, создали определённые проблемы, решение которым до сих пор не было найдено.

В последние годы активно развиваются технологии искусственного интеллекта, которые можно назвать настоящим прорывом в цифровой сфере. Он способен обрабатывать огромные массивы данных за короткое время, что делает его незаменимым помощником человека. Однако современный уровень развития искусственного интеллекта даёт повод усомниться в его роли вспомогательного средства, поскольку он уже может создавать результаты интеллектуальной деятельности, на что, безусловно, способен не каждый человек. В этой связи неизбежно возникает ситуация, при которой искусственный интеллект приобретает возможность конкурировать с человеком. Следствием такого соперничества является поднятие вопроса о его месте не только в общественных, но и в правовых отношениях.

Перед непосредственным переходом к рассмотрению существующих в рамках обозначенной проблематики позиций, необходимо обратить внимание на классификации искусственного интеллекта, существующее многообразие которых обусловлено возможностью с различных сторон подойти к

рассмотрению его функциональных способностей. Наиболее распространённой и основанной на национальных стандартах выступает деление искусственного интеллекта на слабый, сильный и гибридный.

Сильная версия (artificial general intelligence, strong AI, full AI, general intelligent action) представляет собой комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [1, с. 52]. К таким на сегодняшний день относят OpenAI GPT-4, Искусственные нейронные сети и др.

Слабый искусственный интеллект (weak AI, narrow AI), напротив, не способен на осуществление такого рода разнообразных задач, в связи с чем его определяют как любую программу, предназначенную для решений одной конкретной проблемы. Он действует по заданным алгоритмам и не обладает возможностью систематизировать и обобщать накопленные знания для решения проблем, выходящих за пределы установленной последовательности действий. Примерами такой разновидности являются поисковые и навигационные системы, голосовые помощники.

И, наконец, гибридный тип предполагает сочетание способностей как сильного, так и слабого искусственного интеллекта. В современном понимании данная разновидность обладает все теми же функциональными возможностями, но при этом процессы адаптации и самообучения находятся под контролем человека.

Среди всех обозначенных последний вид выступает наиболее оптимальным вариантом, поскольку не позволяет допустить полную самостоятельность искусственного интеллекта, однако в правовом поле на этот счет существуют различные позиции. В рамках данной проблематики

особое место занимает возможность наделения правосубъектностью искусственного интеллекта, дискуссии в отношении которой ведутся активным образом в юридическом сообществе как на национальном, так и международном уровнях. Если ранее вопросы, связанные с приобретением прав и обязанностей искусственным интеллектом, воспринимались обществом как фантастические, то сейчас они уже трансформировались в идеи некоторых международных специалистов. Так, в Европейском союзе были высказаны предложения по наделению роботов право- и дееспособностью, что объединено в дефиницию правосубъектность, и введению правовой категории «техническое лицо» [2, с. 10]. Реализация представленных задумок непременно перевернёт не только все традиционные представления о субъектах права, но и в значительной степени повлияет на общественные отношения.

Несмотря на то, что такие идеи были высказаны неоднократно, с их воплощением в жизнь не спешат. Некоторые по этому поводу отмечают, что полноценного искусственного интеллекта ещё не существует [3, с. 4], обосновывая это его неспособностью пройти тест Тьюринга, который оценивает не разумность искусственного интеллекта, а степень его похожести на человека. Это тестирование направлено на выявление лишь одной из характеристик, что, безусловно, не является достаточным для такого серьёзного шага, как наделение правами и обязанностями искусственного интеллекта. Однако такая позиция была актуальной в 2022-2023 гг. Согласно последним данным искусственный интеллект смог пройти названный тест.

В эксперименте приняли участие 500 человек и 4 агента: человек, ChatGPT-4, ChatGPT-3.5 и ELIZA. Наиболее успешно с поставленной перед искусственным интеллектом задачей – убедить респондента в том, что перед ним человек либо же ввести в сомнение относительно того, с кем ведётся беседа – справился ChatGPT-4, получив перевес в свою пользу более чем в 50%

случаев. Остальные системы тоже набрали неплохие результаты: ELIZA смогла обмануть респондентов в 22% случаев, а ChatGPT-3.5 – ровно в 50%.

Таким образом, представленная позиция, с учетом результатов данного эксперимента, уже не выглядит убедительным аргументом против того, чтобы наделить искусственный интеллект правосубъектностью, в связи с чем возникает необходимость в дополнении существующих доводов.

Другая точка зрения в рассматриваемом вопросе сводится к признанию за искусственным интеллектом статуса квазисубъекта подобно статусу несовершеннолетнего [4, с. 140]. Данная концепция предполагает, во-первых, ограниченный объем прав и обязанностей, а во-вторых, наличие контроля со стороны человека. С учётом названных аспектов рассматриваемая позиция кажется наиболее предпочтительной при сравнении с той, где специалисты предлагают ввести такую правовую категорию, как «техническое лицо».

При всём многообразии концепций, суть которых сводится к наделению правосубъектностью искусственного интеллекта, перевес в настоящее время определённо на стороне тех, кто не разделяет подобные идеи. Одной из таких позиций выступает взгляд на искусственный интеллект как на объект, что отражено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, которая определяет его как комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека [5, с. 35]. Основная мысль приведённого тезиса состоит в том, что искусственный интеллект способен лишь на компиляцию, в связи с чем вопрос о возможности его наделения право- и дееспособностью отпадает.

Анализ существующих позиций относительно рассматриваемого вопроса позволяет сделать вывод о том, что найти решение обозначенной проблеме в ближайшее время не представляется возможным. Подобная безвыходность обусловлена различными причинами, среди которых можно выделить неопределённость в выборе приемлемого пути, который не приведёт

к грубым и неустраняемым ошибкам, а также стремление к установлению баланса интересов для всех сторон, задействованных в этом процессе с участием искусственного интеллекта.

Использованные источники:

1. Ватьян А. С., Гусарова Н. Ф., Добренко Н. В. Системы искусственного интеллекта. – СПб: Университет ИТМО, 2022. – 186 с.;
2. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА. – 2017. – № 12. – С. 7-18;
3. Блинов В. С. Новые технологии – старые проблемы. Искусственный интеллект как субъект права. – 2022. – № 4. – С. 3-9;
4. Воробьев Н. С. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: проблемы международно-правового и национального регулирования // Журнал российского права. – 2022. – № 7. – С. 137-146;
5. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. – 2022. – № 6. – С. 32-46;
6. Habr.com: сайт Habr Blockchain Publishing LTD. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/825290/> (дата обращения: 09.02.2025).